

Никита Григорьев

СУДЬБА ЗЕЧКИ

А ведь всё могло быть совсем
по-другому... Но, видно, не судьба...

Никита Григорьев

**Судьба зечки. А ведь всё
могло быть совсем по-
другому... Но, видно, не судьба...**

«Издательские решения»

Григорьев Н.

Судьба зечки. А ведь всё могло быть совсем по-другому... Но, видно, не судьба... / Н. Григорьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503003-0

Грустная история о сорокалетней женщине-матери пятерых детей Екатерине, которая больше половины своих прожитых лет провела по зонам... Она прекрасно понимала, что её счастливой жизни пришёл конец... Он подкрался совсем незаметно. Как раз тогда, когда она его ещё и не ждала... Екатерина очередной раз пришла в себя... Последний... Вот он и заканчивается, её жизненный путь... А ведь всё могло быть совсем по-другому... Но, видно, не судьба.

ISBN 978-5-00-503003-0

© Григорьев Н.
© Издательские решения

Содержание

I. ШАГИ ВО ВЗРОСЛУЮ ЖИЗНЬ...	6
II. ВСЕМУ КОГДА – ТО ПРИХОДИТ КОНЕЦ...	11
III. ПАДЕНИЕ...	15
IV. ПЕРВАЯ ХОДКА...	19
V. ОБЩЕНИЕ С БОГОМ...	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Судьба зечки
А ведь всё могло быть совсем по-
другому... Но, видно, не судьба...

Никита Григорьев

© Никита Григорьев, 2019

ISBN 978-5-0050-3003-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. ШАГИ ВО ВЗРОСЛУЮ ЖИЗНЬ...

Екатерина в очередной раз пришла в себя... в очередной и, последний раз... Перед глазами всё та же больничная койка в опустевшей палате на двоих. Вчера вечером её соседку, укрыв с головы до пят больничной простыней, выкатили на каталке... вперед ногами.

– Интересно, а сколько мне осталось жить? День, два ... – подумала Екатерина, и в голове, словно в замедленной съёмке прошла вся её жизнь...

Безотцовское детство, школьные годы... И вот она ученица десятого класса местной школы. Поселок, в котором родилась и выросла Катя, был совсем маленьким. Здесь каждый житель был на виду, все про всё и всех знали. Как говорится в старом анекдоте, не успеешь в одном конце чихнуть, как уже в другом говорят: «Будь здоров!».

Природа одарила Катю не только красивой, и к тому времени полностью сформировавшейся фигурой, но и высоким ростом, почти сто восемьдесят, про таких говорят: «Ноги от ушей».

Среди всех мальчишек школы для неё не было пары. Одноклассники были все какие-то мелковатые. Самый высокий из них, Серёга, имел всего-навсего метр семьдесят пять. И сколько она помнила себя в школе, то всегда оставалась не востребованной. Одноклассники, стесняясь её высокого роста, не приглашали Катю ни на танцы, ни в кино, ни на свидания. А ухаживания соседского парня Андрея, который в этом году заканчивал девятый класс, всерьёз девушка не воспринимала. Так и росла она в гордом одиночестве. Правда, взрослые мужики заглядывались на неё на улице, не двусмысленно предлагая встретиться или прокатиться куда-нибудь, но она прекрасно понимала, чем заканчиваются встречи с женатыми мужчинами и вежливо отказывалась. Катя честно ждала того единственного, который предназначен Богом и судьбой только для неё...

И вот выпускные экзамены позади, а впереди выпускной вечер. Одноклассницы приготовили шикарные, сшитые у искусных портних, платья, и только одна Катя придёт в простеньком ситцевом белом платице, в синий горошек, ладненько облегающем её безупречную фигурку. Девушка прекрасно понимает, что у матери, которая кроме неё содержит ещё и брата-студента, нет средств на наряды для дочери. Спасибо Надежде, молодой разведённой соседке, которая одолжила на вечер свои белые босоножки на высоком каблуке. Хоть соседка и была старше Кати лет на десять, но они находили общий язык по многим вопросам. Не сходились только в одном – в соблюдении верности и добропорядочности. В минуты откровения, Надежда часто говорила Кате:

– Дура ты, Катя! Ну для кого ты свою честь бережешь? Я когда была молодой, тоже была такой же глупой. Думала, что всю жизнь буду принадлежать только одному, единственному. Также наивно была уверена, что и я у него тоже первая и единственная. Но как я ошибалась... Когда мне говорили, что он ни единой юбки не пропускает, я не верила. Когда убедилась, что это так, поначалу прощала. Ради нашей дочери терпела все его похождения. Но он, как блудливый кот, с каждым днем от нас отдалялся. Домой приходил, практически только для того, что бы помыться, переодеться, поесть, отоспаться и идти блудить дальше. Вот что я тебе скажу, все мужики большие сволочи и эгоисты. Каждый из них не прочь переспать с чужой женой, но не дай Бог, что бы его жена спала с другим... Так что не береги ты себя для них, живи в свое удовольствие, бери от жизни всё сегодня... не оставляй ничего на завтра...

Катя слушала Надежду и в знак согласия кивала головой. Однажды у соседки собралась компания любителей погулять, и её пригласили присоединиться, девушка ответила с достоинством:

– Да, я всегда говорила, что любая из нас может завести себе любовника. Но я никогда не говорила, что сама смогу это сделать...

И вот он, такой долгожданный выпускной вечер... В поселковом парке заиграл духовой оркестр. И у летней эстрады начали собираться местные жители, в поселке не много зрителей. Среди собравшихся, особо выделяются выпускники, девушки белых нарядных платьях и парни в строгих костюмах. Все места заняты, а те, кому их не досталось, стоят, прижавшись к изгороди. Под звуки марша, парами, выпускники поднимаются на сцену. Среди них Екатерина не только самая высокая и стройная, она самая красивая и необыкновенная. Её причёске, сделанной все той же соседкой, могла бы позавидовать любая сногшибательная кинодива. Девушка чувствует на себе масляные взгляды мужчин и колючие, порой полные зависти и даже ненависти, взгляды женщин. Стараясь не смотреть на людей, она поворачивает голову к центральному входу и замечает восхищенный взгляд высокого, ростом под два метра, парня в форме морского пехотинца. Катя видит его впервые, черная форма очень идет к его чёрным глазам, которые смотрят на нее неотрывно, словно ввинчиваясь в ее сердце, мозг, тело. Девушка чувствует смятение, свою безвольность и какую-то безысходность. Парень самоуверенно и властно смотрит на нее. И Екатерина, словно под гипнозом, засмотревшись на незнакомца, не слышит, как директор школы уже второй раз зачитывает ее фамилию для вручения аттестата. Кто – то из одноклассников, несколько раз толкнув, вывел ее из транса, и она, спотыкаясь, неуверенной походкой направилась к директору. Катя совсем не слышит, какие слова напутствия говорит ей директор, и молча, спускается со сцены.

Вот уже звучит мелодия школьного вальса, и девушка со страхом видит, как через весь зал к ней идёт незнакомец. Он уже без головного убора, оказывается, что его волосы такого же смоляного цвета, что и глаза. Он молча берет девушку за руку и ведет на середину зала. Она не сопротивляется, её воля полностью подавлена глубиной черноты его глаз... Подавлена и парализована.

Екатерина смутно припоминает тот танец. Помнит только, что танцевал он очень хорошо. Он, как партнер, действительно вёл её в танце. Вёл легко, непринужденно и уверенно. И она в его руках была безропотной и послушной. Они, казалось, вместе улавливали не только любое движение друг друга, но и желание. Постепенно, танцующие уходили в сторону, освобождая место для них. Через некоторое время в зале кружили только они... Все восхищенно смотрели на эту пару, семнадцатилетнюю выпускницу и двадцати двухлетнего парня. Они скользили, забывшись в танце, словно единое целое, не замечая никого и ничего вокруг...

Весь выпускной вечер прошел словно во сне. Они не пропустили ни единого танца. Парень представился Петром и сказал, что недавно демобилизовался. До службы в армии окончил среднюю школу в соседнем районном центре, где его отец был большим начальником. Родители устроили его в институт, но постоянные компании, девочки, пьянки не позволили ему сдать сессию и он был отчислен за неуспеваемость. Рассердившись, отец решил отправить сына на службу в армию, что бы набрался ума и повзрослел. За это время отца перевели на руководящую должность в этот район, куда и прибыл, демобилизовавшись, Петр. Поэтому, они никогда до этого вечера и не встречались.

И вот объявили последний танец, который по традиции, медленный. Прижавшись друг к другу, немного уставшие и счастливые, Катя с Петром, словно одно целое, танцуют в центре зала. За окном сереет рассвет, начинается утро нового дня. Зал пустеет, выпускники, классные руководители, кое-кто из родителей покидают зал и направляются на районный стадион встречать солнце. Последними зал покидают, Екатерина и Петр. В опустевшем дворе школы они останавливаются у одинокого старого клёна. Утро прохладное, Петр притягивает Катю к себе и обнимает. Ей очень хорошо и уютно стоять вот так, прижавшись к его горячей груди. Их губы, словно сговорившись, сливаются в долгом и нежном поцелуе. Она понимает, что вот оно – её счастье. Пришло тогда, когда она ещё и не ждала...

Через некоторое время они уселись в служебный УАЗ его отца и, на предельно максимальной скорости, помчались к стадиону. На скамейках зрителей кучками расселись ее одноклассники, мальчишки в белых рубашках, без пиджаков, которые они набросили на плечи девочек. Взгляды бывших учеников устремлены к розовеющему востоку, где вот-вот из-за горизонта должно показаться солнце. Машина на всё той же предельной скорости врывается на стадион. В центре зеленой лужайки Петр делает резкий поворот вправо и, автомобиль, наклонившись влево, продолжает движение на двух левых колёсах. Потом Петр резко поворачивает влево и вот уже два правых колеса удерживают машину на ходу. Для обитателей её поселка такие каскадёрские трюки в диковинку и все присутствующие, забыв, зачем они сюда пришли, поднявшись со скамеек, с восторгом смотрят на шоу. А из-за восточного горизонта поднимается солнце...

Вечером того же дня, Пётр, с большой охапкой цветов, ждёт Катю у её ворот. Увидев парня в окно, Екатерина стремительно, не таясь матери, выбегает к нему. Осыпав её цветами, Пётр галантно целует ей руку, и не дожидаясь приглашения, проходит в дом.

В их стареньком и низеньком домишке, ему приходится держать себя полусогнутым, чтобы голова не упиралась в потолок. Екатерина испытывала неловкость за их нищету и убожество. Пётр, познакомившись с матерью и вкратце рассказав о себе, попросил у неё разрешения прогуляться с дочерью.

Молодые люди шли, держась за руки, по центральной улице поселка. Он был всё в той же черной форме морского пехотинца, она в своем единственном праздничном выпускном платье. Прохожие и знакомые приветствовали их. Екатерина ещё долго чувствовала спиной их взгляды. А посмотреть было на кого. Молодые люди составляли прекрасную пару, высокий, спортивного телосложения парень и высокая, красивая, стройная девушка. Такое сочетание не часто встретишь и среди звездных знаменитостей. Погуляв по центру около часа, Пётр предложил Кате зайти к нему. Он явно был без комплексов и не видел в этом ничего предосудительного. И как Катя и не отказывалась, парень, взяв её крепко под руку, повернул к своему дому.

Внутреннее убранство коттеджа первого лица посёлка её шокировали. Высокие потолки, восемь комнат, ванна, туалет, кухня, прихожая, всё это не шло ни в какое сравнение с двумя комнатухами её лачуги, окна которой почти вросли в землю.

Мать Пети вела себя по отношению к гостье сдержанно, давая ясно понять, что Катя не их круга. А вот отец, в прошлом обыкновенный сельский парень, вёл себя по-простому. Вскоре домработница накрыла стол и все сели ужинать. Девушка чувствовала себя не в своей тарелке. Так неуютно ей никогда в жизни не было. Стол был накрыт так, как она его не видела у себя

дома даже в большие праздники. На столе было столько столовых приборов, что Катя не знала какой нужно взять в руки, и поэтому почти ничего не ела. Только один Пётр с отцом вели себя за столом непринуждённо. Краем глаз Екатерина заметила, что они пользуются не всеми столовыми приборами. Тогда она, осмелев, взяла вилку и попыталась хоть кое-что съесть. Только одна хозяйка, взяв в правую руку нож, а в левую вилку, чопорно оттопырив в сторону мизинец, разделывала на тарелке кусок фаршированной рыбы.

Прошла неделя, неделя первой в её жизни любви. Молодые люди доверяли друг другу во всём. Ласками они доводили себя до изнеможения. От длительных поцелуев их губы распухали и не успевали приобретать нормальный вид. Глаза влюблённых горели особым счастливым огнём. Казалось, они оба потеряли счёт времени, могли сутками, прижавшись друг к другу, говорить, целоваться, мечтать... Но никто из них не осмеливался сделать тот последний шаг в их взаимоотношениях, который бы закончился постелью...

Первыми заметили разительные перемены в поведении сына родители Петра. Их единственный и взрослый оболтус, хотя и был бездельником и дармоедом, перестал пить, хамить и дерзить родителям, отстранился от своих друзей – приятелей с которыми пил, хулиганил и дебоширил. Всё своё свободное время и всего себя он посвящал Кате. И вот тогда у отца где-то в подсознании шевельнулась мысль :

– А было бы неплохо соединить их судьбы. Возможно, Катя как раз и есть та женщина, которая сделает из их Петра человека...

С Катей тоже происходили перемены. Она совсем забросила учебники, подготовку к поступлению в учебное заведение. Всё своё время она проводила либо с Петей, либо лёжа на старом диване, мечтая об их будущем.

В последний день приёма документов в учебные заведения, отец Петра лично отвёз Катю в соседний район, где находилось медицинское училище. Он же договорился с директором и первого сентября она, в белом халате, уже стояла в строю первокурсниц. После обряда посвящения в студенты, Михаил Александрович – отец Петра, отвез их с Петей на квартиру, которую для них снял. Он грустно посмотрел на них и сказал:

– Хоть вы и не пара, но подходите друг другу. Наверно потому, что согласно закону физики, отрицательные заряды притягиваются к положительным. Я очень хотел бы, чтобы вы были вместе. И не только сегодня... Совет вам да любовь...

Оставив деньги на первое время на столе, отец вышел из квартиры. Под окном заработал двигатель автомобиля, его звук начал отдаляться и вскоре затих. В уютной двухкомнатной квартире молодые люди остались вдвоём. Осмотрев квартиру, в которой было все необходимое для нормальной жизни и, взяв деньги, они отправились по магазинам. Купив продукты, Катя и Пётр зашли в универмаг. Пётр настоял, что бы девушка купила себе необходимые вещи. Через час, с пакетами в руках, они вернулись в квартиру. Катя сразу принялась готовить ужин, а Пётр, рассевшись в кресле, принялся смотреть футбольный матч. Все у неё валилось из рук. Девушка с трепетом ждала и боялась этого момента – остаться вдвоём. Как это было волнующе приятно чувствовать себя хозяйкой, осознавать, что они сейчас в этой, пусть и снятой квартире, одни. Быть уверенной, что никто посторонний сюда не войдет и не помешает им.

Она накрыла стол для их первого совместного ужина. На расставленных тарелках красовались нарезанные колбаса и буженина, сыр, овощной салат, рыба, торт, две бутылки «Кремсода» и бутылка «Советского шампанского».

За окном начало темнеть, уже зажглись первые окна в доме напротив. Не включая света, Пётр взял Катю за руку и повёл в соседнюю комнату. Это их спальня. Разложенный диван манит к себе и одновременно пугает. Екатерина прекрасно понимает, что сегодня она разделется и ляжет на него не для сна... Девушка благодарна своему возлюбленному, за то, что с первого дня их встречи он не торопил её... Они раздеваются молча, по разные стороны дивана, наблюдая жадными глазами друг за другом. И вот снято всё, по стройным ногам соскользнул, последний предмет её белья. Они опустили колени на диван напротив друг друга. От волнения их дыхание было тяжёлым, а тела горячими... Прильнув другу к другу и слились в страстном поцелуе... Она ожидала боли, неприятных ощущений, но всего этого не было... Всё произошло просто механически, в результате чего Катя поняла, что стала женщиной, способной принести удовольствие мужчине. Ей было приятно, что Петр несколько минут спустя не мог придти в себя, откинувшись устало на подушку и восстанавливая дыхание. В ту минуту она не думала ни о возможной беременности, ни о будущем. Всё прошлое, будущее и настоящее, объединилось в эту минуту в одно целое – без начала и конца...

Неделю спустя сыграли свадьбу, скромную и не афишируемую. Расписались в районном загсе и пришли в квартиру, где заранее накрыли стол. Блюда были заказаны в местном кафе. Гостей было немного и все они уместились за одним столом. Кроме жениха с его родителями и невесты с матерью, присутствовали брат жениха с женой, две подружки невесты по медучилищу и двое друзей Петра.

Их совместная супружеская жизнь пошла своим чередом. Проходящие дни были, как близнецы, похожи один на другой. Утром, поднявшись с постели, Екатерина на скорую руку пила чай с бутербродом, прихорашивалась перед зеркалом и бежала на занятия в своё медучилище. Петр в это время ещё спал. Он за четыре месяца их совместной жизни даже не попытался устроиться на какую – нибудь работу. Мотивировал он свое безделье отговоркой, что отдыхает после армии, но его отдых что-то долго затягивался... Когда после обеда Катя возвращалась домой, Пётр только просыпался. Они садились обедать, а потом, не спрашивая её согласия, он укладывал её в постель. Счастливые и уставшие от любовных утех, они засыпали. Поздно вечером, проснувшись, Екатерина занималась домом, ходила за покупками в магазины, убирала, готовила ужин, стирала. Пётр в это время, пил из бутылки пиво, смотря по телевизору футбольный или хоккейный матч. После ужина они снова укладывались в постель...

Такие частые занятия любовью уже не приносили ей того удовольствия, какое она испытывала в первые дни. Катя всё чаще ловила себя на мысли о том, чтобы как-то пропустить выполнение супружеских обязанностей. А Петр, чувствуя сексуальную потребность, принуждал Катю к этому занятию в любое время суток. Благо, что времени для отдыха и восстановления сил у него было хоть отбавляй. При таком уплотненном графике их совместной жизни, Катя училась кое-как. С помощью свёкра Катя сдала сессию, но стипендии не получала. Жили они с Петром за счёт его родителей. Так могло бы продолжаться вечно, но всему когда-то приходит конец...

II. ВСЕМУ КОГДА – ТО ПРИХОДИТ КОНЕЦ...

Для Екатерины он подкрался вообще незаметно... С каждым днём, видя как округляется её живот, Пётр утрачивал к ней свой интерес. Для начала, он в выходные дни, мотивируя это скукой и потребностью развеяться, начал ходить в кафе, выпить пива. У него появились друзья, время его походов начало затягиваться, порой до глубокой ночи. По запаху она чувствовала, что кроме пива муж начал употреблять и более крепкие спиртные напитки. Однажды, будучи уже на седьмом месяце беременности, Екатерина отчетливо почувствовала от него запах женских духов. На её немой и укоризненный вопрос он ответил:

– Ведь я мужик и не могу долгое время воздерживаться от половой близости. Тебе сейчас секс противопоказан, а почему же я должен страдать. Поверь мне, что как только ты родишь ребёнка, все будет, как прежде. Пойми, глупая, кроме тебя мне никто не нужен...

И нежно поцеловав свою доверчивую супругу, Пётр спешил на очередное свидание.

Домой участились телефонные звонки. Поначалу звонившие, если трубку брала Катя, молчали, потом, наглым женским голосом, просили позвать супруга. Ради будущего ребёнка все это она переносила молча и терпеливо. Утешало её только одно, что с появлением их совместного ребёнка, их жизнь сразу же возвратится в свою колею. А в данный момент её вполне устраивало, что не приходится убажывать мужа несколько раз в сутки. Но когда Пётр однажды вообще не пришёл ночевать, она сорвалась. И сразу об этом пожалела. В ответ она услышала о себе столько нового... Оказывается, она и фригидная, и не знает, как правильно лечь с мужем в постель... Кроме того не исполняет все его сексуальные фантазии, а предлагаемые им разнообразные позы во время близости, считает извращениями и что она тупая тварь и так далее...

У расстроенной Екатерины, от всего услышанного, начались схватки и преждевременные роды. Они вызвали «скорую помощь», и в прекрасное весеннее утро в родильном отделении районной больницы на свет появился их первенец – черноглазый мальчуган, пятидесяти шести сантиметров роста и пятикилограммового веса. Одним словом великан, который, как две капли воды был похож на своего отца.

Забирали ее из роддома торжественно. Свёкр подогнал разукрашенную «Волгу» Газ-24. Из неё, со счастливой улыбкой на лице и букетом алых роз в руках, вышел Пётр. Он вручил жене цветы, а сам с большой осторожностью взял у медсестры голубой свёрток с кричащим младенцем. Сев в машину, буквально через несколько минут они подъехали к дому. Там, за празднично накрытым столом, хлопотала мать мужа Елена Алексеевна. Отец Петра – Михаил Александрович, был изрядно выпивши. Ну как тут не выпить с радости? – Ведь молодые своего первенца назвали в честь деда, Михаилом.

Екатерина, практически, за столом не сидела. Во-первых, она себя еще плохо чувствовала. Во-вторых, малыш почувствовал смену обстановки и вёл себя не спокойно. Посидев за столом ещё немного и опрокинув несколько рюмок за здоровье внука, гости уехали.

Екатерина крутилась как белка в колесе: нянчила сына, убирала, мыла посуду... Её безупречная фигурка, ещё больше похорошевшая после родов, мелькала из комнаты в комнату, будто дразня мужа... Пётр, будучи выпившим, начал недвусмысленно приставать к жене. И ее просьба:

– Нельзя ещё, потерпи немного, хотя бы с неделю... – им вообще не воспринималась.

Видя, что от его приставаний ей всё равно не отвертеться, нехотя, она впервые в жизни должна была заняться любовью не традиционным способом. Екатерина опустилась на колени и послушно раскрыла рот. Практически оральным сексом занимался только он. Она же только послушно работала губами, с нетерпением ожидая конца... Конец у Петра наступил быстро и издавая душераздирающие вопли он выпрыснул всё своё содержимое в её рот. Попавшая жидкость была и неприятная на вкус. Возможно потому, что Екатерина знала, что это такое, она так и не смогла её проглотить. Устало поднявшись с колен, она шатающейся походкой, словно пьяная, направилась в ванную. С отвращением выплюнув содержимое рта в раковину, она собралась почистить зубы, но её тут же вырвало... Рвота была ужасной... Она испытала такое ощущение будто бы все её внутренности выворачиваются наизнанку. Полностью обессилив, она опустилась на пол и тут же, возле унитаза, провалилась куда-то в крошечную тьму. Екатерина не понимала, спала она или пребывала в глубоком обмороке, но очнулась от того, что кто-то тормозил её. Медленно раскрыв глаза, увидела своего Петра. Выражение его лица было недовольным и злым:

– Поднимайся, сука. Иди в спальню. Ребёнок плачет.

Потом продолжил:

– Если бы знал, что ты такая бездарь в постели, никогда б не женился. Даже отсосать толком не умеешь... Ну ничего, с сегодняшнего дня будешь заниматься этим регулярно, пока не научишься...

Всклипнув, Екатерина попыталась встать. С первого раза ей это не удалось. Со второй попытки, она встала на колени, потом поднялась с них на ноги и, рыдая, направилась в спальню. Сынишка кричал вовсю. Но найдя маленьким ртом материнскую грудь, жадно заработал губами и успокоился. Наблюдая, как малыш сосёт её грудь, она грустно про себя подумала:

– Вот как бывает в жизни. Родятся эти мужики – жадно сосут нашу грудь, а вырастут – заставляют нас сосать их...

В это время она услышала, как громко хлопнула входная дверь квартиры и поняла, что муж ушёл развлекаться со своими друзьями да и не только с ними...

Отношение Петра к ней, и без того желавшее лучшего, с каждым днём ухудшалось. Его отец ушёл на пенсию и помогать им, как раньше, родители мужа не могли. Со временем Екатерина почувствовала нехватку средств на существование. Тот мизер, который государство выделяло молодой матери по уходу за ребёнком до достижения им трёх лет, не хватало даже на самое необходимое для сына. А нужно было сытно кормить мужа. Выделять ему «карманные» деньги на «личные» расходы... Она занимала деньги у всех, кто давал: бывших однокурсниц, соседей, родственников и друзей. Так как одалживала небольшие суммы, то уже не помнила у кого сколько брала. Хорошо ещё, что свёкр оплатил квартиру на год вперёд. Но это не спасало да и не могло спасти ситуацию... Тогда она стала записываться в продмаге. Но когда в конце месяца не смогла полностью заплатить, продавец наотрез отказалась давать продукты. Нищета уже не стучалась, а ломилась в их дверь. Екатерина отказывала себе во всём, даже в самых необходимых предметах для женщины. Она бы ещё долго терпела всё это, но терпеть постоянный плач голодного ребёнка, мать не могла. И тогда ей в голову пришло решение, просто взять

в гастрономе кое – что из еды и не расплатиться. На языке закона это называлось «кража», но Екатерина наивно себя успокаивала, что она не ворует, а просто берёт необходимое.

Войдя в помещение, она с самого начала привлекла к себе внимание продавщиц тем, что постоянно оглядывалась и пару раз, не доходя несколько метров к кассе, возвращалась назад. Когда женщина всё же решилась прошмыгнуть мимо, шустрая девушка – практикантка направила её к кассе. Екатерине ничего не оставалось, как поставить корзину у кассы. Молоденькая кассирша начала перекладывать продукты в пустую корзину по другую сторону, считая сумму набранных товаров. И хотя две бутылки пастеризованного молока, буханка хлеба, килограмм сахара и килограмм крупы стоили меньше десяти советских рублей, Екатерина, оглядываясь, сделала вид, что ищет кошелёк, которого у неё, естественно, не было. Сзади её торопили нетерпеливые покупатели, а кассирша пристально посмотрев на неё подозрительным взглядом, не выдержала и проговорила:

– Уходи, а то милицию позову...

Екатерина, молча опустив голову, направилась к выходу. Она спиной чувствовала презрительные и осуждающие взгляды персонала и покупателей гастронома. Шаги её ускорились и, сбежав по ступенькам на улицу, она остановилась чтобы отдышаться. В глазах потемнело, в ушах звенело, ей было очень стыдно и противно за свой поступок. Она прекрасно понимала, что это начало её падения, как женщины, как человека... потому что она, хоть и неудачно, но сделала тот роковой шаг, который отделяет людей павших от нормальной жизни. И если сегодня Господь Бог миловал её и уберёт, то завтра или послезавтра случится то, что должно произойти...

Однажды, делая уборку в квартире, Екатерина обратила внимание на приоткрытую дверцу антресолей в прихожей. Взяв стул для того что бы её закрыть, она заглянула внутрь и к своему ужасу обнаружила, что там нет их зимних меховых шапок, а также исчезли два новеньких комплектов постельного белья и одеяло. Почуввав неладное, заглянула и в шкаф, который находился в спальне. Подарков свёкра – своего зимнего пальто и новых зимних сапог, не было. Она отчаянно заметалась по комнате...

В этот момент щёлкнул замок входной двери и вошедший муж, искоса глянув на неё, недовольно бросил:

– Ты что такая растроенная, как будто атомная война началась?

Не дожидаясь ответа, довольный своей удачной по его мнению шуткой, направился в ванную. Через несколько минут он вышел из неё чисто побритый, пахнувший её же женскими духами «Красная Москва». Молча надел свежую рубашку и начал что-то искать в комнатах. Екатерина без слов наблюдала за ним. Осмотрев содержимое шкафа и комода, Пётр подошёл к серванту. Выбор его упал на чайный сервиз на двенадцать персон, который его отец привёз им в подарок из туристической поездки в Чехословакию.

– А ну – кА, протри пыль и красиво упакуй мне его, – приказным тоном сказал Екатерине.

И на её несмелый вопрос:

– Зачем?

Продолжил:

– Сегодня у подруги моего друга день рождения, неудобно идти в гости с пустыми руками.

Екатерина поняла, что протестовать бесполезно и, роняя слёзы, выполнила его требование. Взяв упакованный сервиз и не обронив ни слова, Петр вышел. Громко хлопнула за ним входная дверь, послышались быстрые шаги по лестнице и, удаляясь, затихли.

Она сидела опустошенная на диване. К горлу подкатывался сдавленный комок рыданий и отречённости. В этот момент из этого состояния её вывел плач проснувшегося сынишки. Его растущий организм ещё не понимал всех сложностей жизни и требовал только одного – пищи... Ради благополучия этого кричащего и, такого родного ей комочка, она была готова на всё, на любой подвиг и... на любое преступление...

Екатерина прекрасно понимала, что её счастливой жизни пришёл конец... Он подкрался совсем незаметно. Как раз тогда, когда она его ещё и не ждала...

III. ПАДЕНИЕ...

Однажды, приехавшая мать Кати, очень редко бывавшая у них, увидев их нищету предложила:

– Слышь, Екатерина, отдай мне внука. У меня, на мою скудную пенсию ему будет жить намного сытнее и спокойнее. Всё, что буду иметь, отдам ему. Устрою в детский сад, потом определю в школу.

Подумав, Екатерина согласилась. Пётр принял это решение с большой радостью. Сынишка ему явно мешал. И когда бабушка на другой день увезла внука, Пётр сразу намекнул жене, что не мешало бы устроиться на какую – нибудь работу. Понимая, что без связей и спонсорской помощи свёкра, ей в медучилище делать нечего, Екатерина наведальась в районную больницу. Там ей, не состоявшейся медсестре, были рады. В медучреждении, как обычно, остро чувствовалась нехватка санитарок. Работа была не сложной, соответственно и оплачивалась минимально. Такой мизерной зарплаты для возрастающих потребностей мужа совсем не хватало.

Жизнь с каждым днём усложнялась. Теперь уже Екатерина начала обменивать оставшиеся вещи на необходимое. Хорошо ещё, что рынок был рядом. Кроме обручального кольца, которое она отдала в два раза дешевле стоимости, в ход шло всё: посуда, обувь и даже коляска сынишки. Но с каждым разом она всё дольше подыскивала подходящую вещь и с каждым разом продать её было всё труднее и труднее. Екатерина прекрасно понимала, что скоро наступит такой день, что и продать будет нечего. Тем более муж тоже не дремал и за бесценнок продавал всё и вся. Он обладал каким – то дивным чутьём. Только Екатерина подбирала вещь для продажи, как он опережал её.

Хотя они с Петром и жили под одной крышей, но она прекрасно понимала, что они с ним не только разные, но и случайные люди. Спиртное за эти два года сделало из него совсем другого человека. Екатерина с грустью смотрела на мужа и никак не могла понять:

– Куда делся тот весёлый и вежливый парень со спортивной фигурой?

За последнее время он резко деградировал не только внутренне, но и внешне. Появилась сутулость, походка стала ленивой и утомлённой. В каждом, сказанном им предложении, как минимум три слова были матерными...

Когда менять стало нечего, Пётр начал за бутылку сдавать комнату клиентам. В основном, это были такие же «безработные», как и он. Долго они не задерживались, переночуют сутки – двое и уходили. На их место Пётр приводил новых. И только последний постоялец, Влад, задержался надолго...

Был он ровесник Петра. Чуть ниже ростом, коротко стрижен и нагл до предела. В нём явно чувствовалась хватка лидера. Муж ему во всём потакал и рад был выполнить любое его желание. Видя их нищету, Влад не раз говорил:

– Ничего, держитесь меня и я вас выведу в люди...

И действительно, вскоре в их доме начали появляться вещи, завелись небольшие деньги, которых хватало не только на хлеб, но и на масло. Вещи в основном были новые: комплекты

постельного белья, мужская и женская одежда и обувь. Но больше всего среди этих вещей было полотенец и женских платков, какие обычно использовали на похоронах. Поначалу у Екатерины возникло нехорошее предчувствие, но муж со своим новым другом её успокоили, что просто помогают своей хорошей знакомой, работающей на торговой базе, сбывать эти товары клиентам. И это выглядело правдоподобно. С утра, взяв с собой товар, они ехали в дальние деревеньки предлагать его пожилым людям. Одинокие старики и старушки покупали у них необходимое для себя в последний путь. Екатерина и не догадывалась, что уже на следующую ночь Влад, вместе со своими двумя подельниками возвращался к клиентам обратно. Они не только забирали проданное им накануне, но также забирали деньги, отложенные на смерть и погребение, а так же и другие вещи. Петра они на дело не брали. Влад всё рассчитал правильно:

– Чем меньше будет знать муж, тем крепче будет спать его молодая жена.

В новом постояльце Владе, Екатерину настораживало и беспокоило только одно, его не скрытый интерес к ней, как к женщине. Этот его томный взгляд, который блуждал по ней, казалось, пытается проникнуть не только в вырез блузки, но и под подол юбки. Когда они оставались одни, он начинал делать ей недвусмысленные намёки о близости. Екатерина пыталась игнорировать его ухаживания, но однажды, когда она мыла на кухне посуду, а изрядно пьяный муж храпел в спальне, Влад, схватив её в объятия и прижав к себе, сказал:

– Дура, ну чего ты меня избегаешь? Будь сговорчивее, озолочу, не бойся, никто и знать не будет.

Уронив тарелку, она вывернулась из объятий и отвесила постояльцу звонкую пощёчину. Но это совсем его не отрезвило, а наоборот, завело... Тогда она пригрозила, что всё расскажет мужу. На что наглый квартирант ответил:

– Попробуй. Я скажу, что ты сама на меня глаз положила и постоянно пристаёшь. Да он мне скорее поверит, чем тебе.

С тех пор он не давал ей прохода. Квартирка маленькая, даже разминуться и то трудно. Влад использовал каждый удобный случай, что бы щипнуть, лапнуть, а то и звонко чмокнуть понравившуюся ему женщину. Екатерина прекрасно понимала, что так долго продолжаться не может и рано или поздно муж, узнав о приставаниях постояльца, положит им конец. Но всё произошло совсем по – другому...

Однажды вечером Пётр с Владом играли в карты. Пётр проигрывал. Сумма проигрыша с каждой партией возрастала. Управившись на кухне с посудой, Екатерина ушла отдыхать. Вскоре она уснула, но сквозь сон почувствовала, что в постель ложится муж. В голове ещё промелькнула мысль:

– Только б не лез к ней со своими сексуальными потребностями.

И вдруг она интуитивно поняла, что рядом с ней не Пётр. Совсем другой запах, другие движения. Чисто автоматически, сработал инстинкт самосохранения, она впилась ногтями в чужое лицо. Нечеловеческий крик принадлежал Владу. На шум и возню вбежал Пётр. Включил свет. Увидав исцарапанное лицо друга, отвесил увесистую и звонкую пощёчину супруге и заорал:

– Ты что, тварь!? Совсем нюх потеряла! Проиграл я тебя, суку, на сегодняшнюю ночь! Вот, ему! А карточный долг – это святое! Или ты предлагаешь мне его нарушить!? Так что постарайся его отработать!

Отвесив ещё одну пощёчину и швырнув её на кровать, он небрежно бросил Владу:

– Будет ещё сопротивляться, бей! Не сможешь справиться сам, меня на помощь позовёшь.....

Она лежала отрешённо, не шевелясь, а над ней измывался картёжный победитель. Она с нетерпением ждала окончания. Но не тут – то было. Прервав акт, он заставил её изменить позу. Потом еще раз и ещё. Стоя на коленях и стиснув от боли зубы, она терпела его движения и лишь желала что бы поскорее они закончились. Напоследок он бесцеремонно и грубо схватив за волосы, повернул её голову к себе. Екатерина крепко сцепила зубы, но сильный удар в лицо и сжатие её скул его цепкими пальцами сделали своё дело. Рот Екатерины послушно приоткрылся...

Через день Влад снова бесцеремонно ввалился в их спальню. На этот раз Пётр уступил жену другу, просто, за бутылку водки. Екатерина на этот раз и не сопротивлялась, понимая, что от этого будет только хуже. В какой – то момент в её голове даже шевельнулась мысль помочь Владу, но отвращение и обида взяли верх и она снова молча стиснув зубы, перетерпела его «любовь». Откинувшись на подушку и отдышавшись, Влад бросил ей с упрёком:

– Ну что ты, как неживая? Лежишь, словно бревно бесчувственное? Разве так трудно пойти мне навстречу? Да, я не прав, что таким образом заполучил тебя, но ты ведь сама виновата, что не захотела по хорошему.

Она лежала, молча уставившись в потолок, а в её голове одна сумасбродная мысль сменяла другую. То ей хотелось отправить на тот свет мужа, то Влада, то... уйти из этой жизни самой...

Никто не мог предположить, сколько это ещё продолжалось бы, но однажды под утро Влад ввалился в квартиру весь окровавленный. Пока Пётр суетился возле раненного друга, а Екатерина, как умела, перевязывала ему плечо, Влад сквозь стоны и проклятья рассказывал вкратце и недомолвками Петру о случившемся.

Екатерина хоть и не вникала в их разговор, но её предыдущие подозрения о преступной жизни постояльца только усилились.

Теперь квартирант лежал на диване, сдерживая стон. К вечеру у него поднялась температура, а ночью он начал бредить. От его отдельных выкриков у неё мороз шёл по коже, она старалась не слышать его бредовых слов:

- Души! Души её суку! А ты держи её, что бы не дёргалась!
- Да закрой ты ей рот!
- На, затяни ей петлю! Крепче!
- Уходим! Он в меня, кажется, попал гад!

Екатерина понимала, что этот страшный случай заденет и её своим чёрным крылом.

Утром, зайдя в аптеку за бинтом, зелёной, жаропонижающим она услышала о трагедии, которая разыгралась в их городке прошлой ночью. Трое грабителей попытались вломиться к одинокому старику, но тот оказался не робкого десятка и вытянув из шкафа дробовик прямо через филёнчатую дверь убил наповал одного преступника и ранил другого. Милиция долго шла по кровавому следу раненого, но потом он потерялся. Личность убитого установлена, это ранее судимый Верзилин. Теперь проверяется круг его друзей и знакомых.

От услышанного Екатерина растерялась и, стараясь не привлекать общего внимания, вышла из аптеки и направилась домой. В их квартире находился незнакомый мужчина. Из его блатной речи она поняла, что это тот – третий. Он предложил Петру хорошенько поискать в квартире их общак – деньги и драгоценности. Долгие поиски ожидаемого результата не дали, и гость, уходя, бросил:

– Передайте Владу, что когда всё успокоится, я вернусь. А сейчас надо убираться. Советую и вам где –нибудь перекантоваться. Рано или поздно сюда придут менты.

Не прощаясь, надвинув на глаза кепку, гость вышел, громко хлопнув дверью.

Влад так и не приходил в сознание. Теперь он не бредил, а только тяжело стонал. Супруги никак не могли решить, что с ним делать. И только под вечер, глядя в окно на надвигающиеся сумерки, Пётр предложил вынести Влада и где – то оставить. Екатерине идея понравилась и поздно вечером, взяв его под руки, они вывели постояльца во двор. Перебросив его руку на плечо с одной стороны Пётр, Екатерина с другой, они поволокли его к реке. Постороннему наблюдателю показалось бы, что двое помогают идти пьяному человеку домой. Свернув с тропинки в камыши, они опустили тело на землю. Уходя, оглянувшись, они убедились, что камыши надёжно укрывают Влада от постороннего взгляда. Вернувшись в квартиру и убрав следы за раненым квартирантом, оба улеглись спать, решив что всё обойдётся само собой. Всю ночь Екатерине не спалось. Задремала она только под утро, но ей всё время грезился Влад, который лез к ней в постель... Пока супруги спали, круг, который изменит всю их дальнейшую жизнь, почти сомкнулся...

IV. ПЕРВАЯ ХОДКА...

А тем временем, события у реки разворачивались следующим образом... То ли от утренней прохлады, то ли от влажной земли, брошенный ими Влад пришёл в себя. Инстинкт самосохранения и жажда жизни сработали в нём мгновенно и он начал ползти в сторону дороги. Двадцать метров, которые отделяли его от неё, он преодолевал очень долго. Несколько часов. Водитель первого проезжающего автомобиля, который заметил окровавленное и измученное тело человека на асфальте, вызвал милицию и скорую помощь.

Ну, а дальше всё происходило, как в страшном сне. Петра арестовали. Весь посёлок гудел, словно растревоженный улей. Оказывается, грабители на протяжении нескольких лет грабили одиноких старушек, и душили их. У соседей и родственников даже не возникало подозрений о насильственной смерти. Даже местный участковый врач, выписывая справку о смерти, указывал причину « В результате старения организма»...

Но сколько клубочку не катиться, конец придёт всё равно. Вот и убийцы вскоре были задержаны и взяты под стражу. Екатерина проходила в деле, как свидетель, но с каждым вызовом к следователю, она начинала всё больше и больше понимать, что превращается в подозреваемую, и установленное ей ограничение – подписка о не выезде, явно об этом свидетельствовало. Под стражу до суда она не была взята только по одной причине – второй беременности. Где – то подсознательно она чувствовала, что это будет тот нежеланный ребёнок, которого ей насильно «подарил» Влад...

Через шесть месяцев состоялся суд. Владу и его соучастнику, которые вместе с убитым Верзилиным убивали старушек, вынесли суровый приговор – высшую меру наказания через расстрел. Петру, как соучастнику – двенадцать лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима. Екатерине отмеряли восемь лет, под стражу она была взята там же, в зале суда, на девятом месяце беременности.

То ли пришёл срок, то ли от перенесённых волнений, но в холодное мартовское утро, первых дней пребывания в тюрьме, она родила девочку. Таким образом, они вместе начали отбывать срок наказания матери...

Екатерина уже привыкла, что её ребёнка заворачивают в казённую пелёнку, кладут в казённую колыбельку... Ведь дочка, родилась здесь, в колонии. А она, как и другие женщины-осужденные, ест одинаковыми ложками, носит одинаковую одежду, ходит строем, встаёт по звонку, потому что виновата и несёт наказание, отбывая от звонка до звонка свой, определённый судом, срок. Но её дитё... Оно – то за что так мучается?! За что отбывает вместе с ней «свой» срок?!

Я на мгновенье представил эту женщину, просиявшую улыбкой при виде своего ребёнка. И кто сможет подумать, что она могла воровать, мошенничать, убивать... Передо мной вечная картина жизни – мать с ребёнком на руках. Любовь эта сильнее обстоятельств и выше тюремных стен. И нет ей за это наказания. В такую минуту хочется забыть о преступлении, простить мать, списать ей все её грехи ради этого, ни в чём не повинного, ни в чём не ведающего существа. За что же ребёнок делит её участь? А где же оно, наше милосердие?! То милосердие, о котором мы напоминаем нашим согражданам почти на каждом шагу. Нам предлагают проявлять его всем и вокруг, но только не нашим согражданкам за колючей проволокой зоны. Как бы ни был хорош уход, добры нянечки, внимательны врачи, какую сумму денег не выдели государство на содержание этой маленькой души (да если бы всё это ещё и было выделено...),

казённые блага не идут в сравнение с уютом домашним. Всего два часа в день мать и её дитя могут видаться. Всего три года вместе, в исправительно – трудовом учреждении, а дальше, если срок матери не подошёл к концу, ребёнок отправится в детский дом. Говорят, что общество пока не готово отпустить осужденную мать на свободу. Признать это горько, видеть больно, но значит, не нажили мы ещё достаточно милосердия, не укрепились в вере, что сможем убедить оступившегося человека, что хватит в обществе здоровых сил взять заботу о заблудшей матери на себя. А мне кажется, что мы только прикрываемся этими красивыми словами, что бы не взять ответственности на себя. Ведь это такая прекрасная отговорка:

- Общество ещё не готово...
- Общество ещё не может...
- Общество ещё не решило...

А что же сама она? Плачет по ночам в подушку? Завидует вольным? Проклинает прошлое и саму себя? Обижается на злую судьбу? Без сомнения. Но ещё радуется первому шагу, первому осмысленному слову своего дитяти, и радость эта ничем не отличается от той, что испытывают матери на всём белом свете. Может быть, здесь, она даже острее. Ребёнок – её надежда на обыкновенную, будничную, такую далёкую и желанную жизнь. Ребёнок – её любовь и отрада. Сегодня он спасает её, чтобы завтра, выйдя на свободу, мать смогла сделать своё дитя счастливым. Как бы ни было трудно...

Отбыв половину наказания, Екатерина была освобождена досрочно за примерное поведение и исправление... Но при выходе на свободу никто не спешил отдавать ей её ребёнка. Причина до банальности самая простая:

- Представьте справку, что вы трудоустроены и размер вашего дохода позволяет содержать ребёнка...
- Представьте справку о жилищных условиях, где найдутся свободные метры жилплощади для вашего ребёнка...
- Представьте справку из лечебного учреждения о состоянии здоровья всех проживающих на жилплощади, где будет проживать ваш ребёнок...

Парадокс, но сейчас и законопослушным гражданам местные власти не всегда могут и хотят помочь. Ведь большинство их находятся на самовыживании. Что тут говорить о лицах с криминальным прошлым...

Возможно, они ещё долго проживали бы врозь, но сжалилась мать Кати и, оформила над внучкой опеку. Так и стали они жить в старом ветхом домике матери вчетвером: мать, Екатерина с детьми, старшеньким Михаилом и младшенькой Машенькой...

К Петру, который ещё отбывал наказание, она не навещалась. Никогда не смогла простить ему Влада. Тем более подрастающая Машенька постоянно напоминала об этом. Она своей внешностью и манерами поведения вся была в своего расстрелянного отца.

Каждую ночь ей снится зона...

За свою такую короткую и сложную жизнь она поняла только одно, что никто не в силах понять чужую боль. Тем более разделить её с тобой...

V. ОБЩЕНИЕ С БОГОМ...

На свободе жизнь Екатерины не ладилась. И хотя её дети, сын Михаил и маленькая дочь были ей отрадой, неприятности одна за другой, будто по заказу, сваливались на её голову.

Первая из них – это мытарства в местном отделении милиции. Единственным документом, который удостоверял её личность, была справка о судимости. И руководители предприятий, организаций и учреждений, в которые Екатерина обращалась по вопросу трудоустройства, отмахивались от неё, как «чёрт от ладана». Получить паспорт оказалось совсем не просто. Сначала необходимо было встать на учёт в инспекции исправительных работ, затем в отделении участковых и в отделе уголовного розыска... И только пройдя собеседование с участковым и оперативником, можно было получить «добро» на выдачу паспорта. А «добро» просто так не давалось. Опер сразу предложил «поработать» на розыск. Молодой участковый, пристально осмотрев её безупречную фигуру, предложил прокатится «куда – нибудь»... Через несколько дней безуспешных мытарств она согласилась... На природу они выехали втроём. Участковый ещё прихватил своего друга опера. И пока тот невдалеке курил, участковый тут же, на капоте старенькой служебной «тройки» получал удовольствие... Затем, заправив рубашку и застегнув брюки, бросил оперу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.